

Творческий путь П. П. Хузангая

Поэзия - мысли мучительный поиск,
Улыбка ребенка и гения труд,
И сказка любви, и отчаянья повесть,
Которую, может, века не сотрут.

(Перевод М. Шехтера)

Творчество П. Хузангая всегда вызывало живейший интерес как в читательской среде, так и у критиков. Автор превосходных лирических и публицистических стихов, замечательных лиро-эпических поэм («Двадцать шесть», «Таня», «Дом в Горках», «Песни Тилли», «И в земле не сгнием»), создатель разнообразных стихотворных новелл и крупного эпического произведения «Семья Аптраман» и, наконец, блестящий очеркист и критик, Хузангай дает благодатный материал и историку литературы. Немало сделано чувашским поэтом в практическом освоении и развитии метода социалистического реализма в поэзии: художественно познаны и осмыслены разные стороны жизни советского народа, созданы новые эстетические ценности, раскрытие содержания которых небезынтересно для проблем социалистического искусства, особенно для вопроса о традициях и новаторстве.

Хузангай внес замечательный вклад в развитие национальной формы чувашской советской литературы: в образе мыслей и психическом складе многих героев уловлено национальное своеобразие, метко схвачен национальный колорит быта и природы. Велика заслуга Хузангая в обогащении и обновлении чувашского литературного языка, что выразилось в смелом введении новых троп на «русский лад», в расширении смысла старых выражений и усилении гибкости и ритмово-

го богатства стиха (благодаря использованию всех трех систем стихосложения: традиционного народного стиха, силлаботоники и тоники).

Поэт прошел сложное художественное развитие от первоначальных риторических стихотворений до поэзии широких социальных и философских обобщений, т. е. прошел путь, свойственный многим представителям чувашской, да и не только чувашской, литературы. Непрямолинейной была и идейная эволюция поэта. Выяснение этих зигзагов поучительно для будущих поколений литераторов. Поучительно также своеобразие учебы чувашского поэта мастерству слова у Есенина, Пушкина и Маяковского. Не все написанное Хузангаем является одинаково равноценным и высокохудожественным. Где же сильные стороны хузангаевской музыки, его поэтического голоса? Где, если можно так выразиться, золотые крупницы искусства? Одно уже четкое разграничение хорошего и плохого (что актуально и для критики) помогло бы молодым талантам, которые учатся и будут учиться у него.

I

Порой не просто разобраться сразу,
Где прямо гнать, где надо брать в обход,
Но в сторону мы не сошли ни разу
С того пути, каким идет народ.

(Перевод А. Казакова)

Первые стихотворные опыты Хузангая относятся к 1919-1920 гг., печататься он начал в 1924 г. В первых стихах поэта чувствовалось подражание Сеспелю, зачинателю чувашской советской поэзии. В изобразительных средствах он прибегал к революционной символике, характерной для советской литературы тех лет. В ряде стихотворений («После бури», «Проснись, крестьянин», «Мы готовы», «Свободный кузнец»)

фигурируют те же абстрактно-романтические образы: тьма, ночь - прошлое; восход солнца - сегодняшняя жизнь; буря, гроза - революция и т. п.

Но молодому Хузангаю не доставало революционного пафоса, публицистической взволнованности Сеспеля. Он слишком детализирует эти условные образы, и социальное содержание заслоняется картинами бури, «древней башни угнетения», восхода солнца и т. д. Творчество Сеспеля (1899-1922) было вызвано к жизни бурей революции, а Хузангай (1907-1970) формировался как поэт в годы восстановительного периода в стране, когда на первый план выдвинулись задачи хозяйственного созидания, пристального внимания к человеку.

В поэтическом голосе Хузангая больше слышится интерес к разнообразным проявлениям душевной жизни человека. Показательным в этом отношении является стихотворение «На жатве». В нем ясно проявляются характерные особенности лирики Хузангая. Стихотворение проникнуто предчувствием радости любви. Необычайно мелодичный ритм стиха, основанный на творческом использовании традиционного чувашского стихосложения, рождает легкое, радостное настроение.¹

Юный герой уже мечтательно следил за рассветом, когда его будила мать. Он по-особому тепло ощущает синь зари. Читатель догадывается о его тревожно-радостном чувстве: он не говорит: встал и обулся, а говорит с легкостью: «сырайрам» (с оттенком ласковости), не говорит: расчесал, а «турайрам» (с оттенком радости). Поняла и мать: сын ее влюблен.

Когда кудри упали
Ковылем на лоб:
- Полюбишь, поженишься, -
Сказала ты тихо мне².

¹ М. И. Фетисов. Народный поэт Чувашии П. П. Хузангай. Чебоксары, 1957. С. 167.

² Здесь и далее стихи поэта цитируются в подстрочном переводе, кроме особо оговоренных случаев.

Психологически тонко, говоря по-чувашски, зерно за зерном, раскрывается чувство первой любви. Это то новое, чего не было у Сеспеля. Хузангай сочетает лиризм с изображением конкретных явлений. В этом Хузангай близок к Константину Иванову, его поэме «Нарспи».

Произведение «На жатве» ценно стремлением индивидуализировать образ, который раскрывается в повествовании от первого лица. Слова в ласкательной форме: «питём», «сўсём», «аннесём», «теейрём», «сырайрём» - удачно выражают душевную щедрость, чистоту натуры. Когда в радостных мыслях хочется птицей выпорхнуть из избы и полететь к любимой, вдруг он замечает... насмешливую улыбку солнца. Из стихотворения можно кое-что узнать и о социальном положении героя: это бедная крестьянская семья, отец героя, вероятно, погиб на фронте. Поэтому понятно и особо трогательное отношение матери к сыну.

Не перестает удивлять чеканностью строк, подобных пушкинским, и другое стихотворение Хузангай - «Поэт» (1924). Художественная новизна стихотворения в том, что тяжесть труда поэта донесена в близких для представлений чуваша образах: «посинел, как пепел», говорят в народе, а Хузангай перефразирует: «испепелишься душой и сердцем»; или сближает труд поэта с тяжелым ремеслом кузнеца: «выковывая в мозгу песни».

В первых печатных произведениях Хузангай отдал дань распространенной в те годы абстрактности в воспевании революции, но в некоторых уже видно стремление к индивидуализированному изображению. Определяется направленность его лиризма - искреннее и радостное познание духовной жизни человека, как любовь, творчество.

Но эстетические позиции начинающего поэта еще не были устойчивыми, а критика не заметила эти «золотые крупинки» искусства. Будь иначе - Хузангай быстрее и безболезненнее нашел бы себя в поэзии, быть может, не так извилистым был бы его творческий путь.

Мировоззрению молодого поэта еще не обрело ясности. В условиях деревенской жизни, где он прожил почти до 17 лет, он не мог пройти ту жизненную закалку, когда диалектика «бряцанием боев» «вырывалась в стих». Недостаточно понимал он и задачи литературы как средства воспитания народа.

Эти слабости мировоззрения обнаружились, когда он, будучи студентом Казанского чувашского педтехникума, вплотную обратился к фольклору, к народным песням.

Использование фольклора, в котором отразилась многовековая подневольная жизнь народа, представляло большую трудность тем, что он мог уводить от выражения мыслей и чувств современности. Конечно, в чувашском фольклоре есть и шутливые, и бодрые песни. Но это не значит, что в печальных народных песнях нет ничего интересного и имеющего права на дальнейшее развитие. Только нужно использовать их умело, творчески. Хузангаевские переработки народных песен явились предвестницами пессимистических ноток в стихотворениях «Песня», «На ниве», «Гусляр».

Различные измышления чувашских националистов, вроде «золотого века» чуваш в период болгарской государственности, уводят его от правильного понимания национального вопроса, что проявилось в некоторой поэтизации архаических форм национальной культуры. Но поэт всегда с оптимизмом и светлой надеждой смотрит на настоящее и в будущее чувашского народа, что объясняет его относительно быстрое освобождение от ошибок в национальном вопросе.

Но все же у поэта была почва для нерадостных чувств, которая в условиях 20-ых годов, когда в литературе были «все и всякие течения, вплоть до антисоветских и прямо контрреволюционных», не преминула сказаться на увлечении слабыми сторонами поэзии Сергея Есенина.

В чувашской критике этот период творчества Хузангая долгое время определялся как период слепого подражания Есенину. Она обвиняла молодого поэта в «есенинщине», не вскрывая ни причин увлечения, ни положительных моментов в учебе мастерству, ни, главное, идейного расхождения между ними. Сложную эволюцию идейно-художественных позиций поэта некоторые критики сводили к легкомысленным скачкам от Есенина к Маяковскому, затем к Пушкину.

Хузангаю, выходцу из деревни, должны были понравиться «очень способные и очень деревенские стихи» Есенина³, «размашистые, яркие, удивительно сердечные»⁴. Если посмотреть стихи Хузангая этого периода, то сразу бросается в глаза «подражание» Есенину: там есть отдельные есенинские выражения («разбуди меня завтра рано», «я молчанью у звезд учусь»), есенинский ритм стиха, есенинские темы и мотивы, некоторые композиционные приемы («Письмо матери» и «Ответ») Начинающий поэт еще не настолько окреп, чтобы творчески переосмыслить поэтические средства Есенина; нередко он заимствует его образные выражения, дословно переводит их на чувашский язык.

Действительно, влияние Есенина отрицательно сказалось на содержании многих стихов Хузангая. Так, в ряде стихотворений он высказывает свою нелюбовь к городу, жалуется на жестокость человека, в теме любви видна беспросветная грусть. Вслед за Есениным он начинает замыкаться в своем внутреннем мире, воспевать субъективные ощущения, явно не соответствующие объективной исторической правде. В этом -отрицательное идейное воздействие Есенина на Хузангая. Но при всем увлечении «есенинщиной» у Хузангая было свое понимание путей развития деревни⁵. Даже в воль-

³ Маяковский В. В. Сочинения в одном томе. Худ. лит-ра, 1941, с. 268

⁴ Горький М. Собр. соч., т. 30, 1950, с. 60

⁵ Микусев В. О раннем творчестве П. Хузангая // Тăван Атӑл. 1956..№6

ном переводе второй части есенинского «Сорокоуста» есть расхождение Хузангая с мыслями поэта. Он, следуя оригиналу, немного сожалеет, что время коней уже прошло, настал век машин, но тут же эта жалость переплетается с юмором, когда он говорит: «Будем кататься на конях в масленицу». Еще в большей степени это расхождение с Есениным проявилось в стихотворении «Век» (1925):

Век, чадивший курным дымоходом,
Отошел, спотыкаясь впотьмах.
Озарились мы новым восходом,
Свет иной загорелся в домах.

Догорела лучина, погасла,
Завалился светец - не сыскать.
И от порчи на щепочке масло
Не сжигает за печкою мать.

Скоро в поле большом спозаранок
Гордо кони стальные заржут.
И впервые залечатся раны,
Что натер нашим клячам хомут.

Будет взнуздан и ветер, а воды
По другому руслу потекут,
Человек покорит всю природу,
В мире все переделает труд.

(Перевод П. Хузангая)

В 1925 году четверо кулаков покушались на жизнь молодого сельского корреспондента республиканской газеты «Красная искра» Григорьева Семена. На это событие Хузангай откликнулся стихотворением,

которое кончалось так:

Не робейте и не гните головы свои,
Я готов сложить и голову
За трудящийся народ.

Не идеализация патриархально-кулацкой деревни, а острая классовая борьба стала ведущей в идейно-тематическом содержании поэзии Хузангая. И поэту удалось легко освободиться от влияния «есенинщины». А в учебе мастерству и технике стиха поэзия Есенина оказала положительное влияние на Хузангая.

Чувашский поэт старается быть таким же национальным, понятным народу по языку, по форме выражения, каким был Есенин. Даже сходные по сюжету и тематике с есенинскими, стихи Хузангая часто удивляют картинами чувашского быта, чисто национальным колоритом.

Например, в «Письме матери» он пишет:

Хёле кёрсен,
Вутти-шанки те сук.
Пёрланнă чўрече ман
Ирёлмест.

Арпа туртса
Килмешкён те хăш чух
Теме тăрать,
Ай-ай ашас килмест.

Эти бытовые сцены переносят читателя в деревню. Далее:

Юрать эппин, ачам,
Юрать ёнтё...
Тăпрам сине
Ют сын та таптё-ске.

Ўўрех ёнтё,
Ўўрех тёнче касса.
Сан вырәнна
Пёр анчак суратсан,
Авантарах
Пулатчё пуль пасса.

Здесь использованы чисто народные выражения, которые очень естественны в устах матери. В одноименном стихотворении Есенина нет ни подобных деревенских картин, ни подобных выражений.

В стихотворении «Ответ» Хузангай сравнивает себя с рябиновой плетью, которую в огне гнет пастух. Поведав матери свои переживания, Хузангай объясняет свою грусть неопытностью, молодостью и добавляет: «Так же отдается болезни (когда черви дырявят) молодая неокрепшая репа». В таких образных выражениях, проникнутых национальным колоритом, как раз и заключается одно из условий национальной формы литературы.

В произведениях Хузангая углубляется лиризм, появляется интимная простота выражений, усиливается музыкальность и пластичность стиха. Значит, наряду с моментами ученического подражания было и творческое усвоение положительных сторон поэзии Сергея Есенина.

II

Большую роль в освобождении от пессимистических и индивидуалистических ноток, в преодолении влияния отрицательных сторон творчества Есенина сыграло путешествие Хузангая по Советскому Союзу в 1926-1927 гг. Оно явилось значительной вехой в идейно-творческом росте Хузангая.

Хузангай побывал в Средней Азии как раз в то время, когда проводилась земельно-водная реформа, в результате чего были окон-

чательно уничтожены остатки феодальных отношений в пользовании землей и водой. Молодой поэт был свидетелем бурных социальных процессов в жизни народов Советского Востока. Он воочию увидел широкую картину возрождения национальной жизни бывших колониальных народов Средней Азии.

Острая ломка социальных порядков, сопровождавшаяся жестокой классовой борьбой, живо напоминала Хузангаю времена гражданской войны, басмаческие восстания, трудный, опутанный религиозными предрассудками путь простого трудящегося к социализму. Новая жизнь народов Средней Азии произвела на него большое впечатление и оставила заметный след в его творчестве. Недаром поэт, спустя несколько лет, создает ряд стихотворений из жизни дехкан («Ишак Верди», «Басмач»), в которых обнаруживает большое знание психологии и бытовых особенностей народов Средней Азии.

Из Средней Азии Хузангай направляется в Баку. В жизни Баку, крупнейшего промышленного центра Кавказа, за годы Советской власти также произошли громадные изменения. Хузангай не мог не почувствовать значения дружного, героического труда бакинских нефтяников, не мог не услышать здесь биения пульса жизни нашей страны.

Вплотную познакомившись с жизнью народов Средней Азии и жизнью рабочих Баку, Хузангай ясней осознал громадный исторический прогресс, происходящий в стране, и роль литературы в нем, как орудия борьбы за социализм. В обстановке усиления военной угрозы нашей стране со стороны английских чемберленов Хузангаю остро вспомнилось событие гражданской войны - расстрел 26 бакинских комиссаров.

«Из Баку я приехал, вдохновленный поэмой «26», - пишет Хузангай в автобиографии. Уже само обращение к теме о 26 большевиках говорит о том, что он отошел от преобладавших ранее субъективных

переживаний.

Поэма «Двадцать шесть» Хузангая не плод литературных реминисценций, как утверждал Н. Золотов в предисловии к книге поэта «Уяртсан» (Когда прояснилось, 1928), а оригинальное произведение, вызванное напряженной международной обстановкой, гневный ответ на новые попытки английских империалистов оскалить свои хищнические зубы. В прямой связи с событиями 1927 г. находится взволнованное обращение поэта к трудящимся: «Будьте бдительны!» Призывная внутренняя интонация поэмы тяготеет к интонации Маяковского. Образы революционеров даны в ней в реалистическом плане. Поэма «Двадцать шесть» - яркое свидетельство того, что уже к концу 1927 г. Хузангай в основном преодолел отрицательное влияние Есенина. Самостоятельность и оригинальность поэмы при всей перекличке ее с «Балладой о двадцати шести» С. Есенина вне всякого сомнения.

Однако значение и место произведения в литературе нельзя определить без учета того нового, что оно внесло в свою литературу. «Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины...»⁶. Эти ленинские слова нельзя не отнести и к развитию искусства как формы художественного познания мира. Дело не только в том, что новые события, отображаемые искусством, в целом всегда несут что-то новое по сравнению с прошлыми, ибо ход развития человечества поступателен; но движется вперед умение передавать это новое по законам искусства.

Оглядывая тот уровень художественного познания чувашской литературы, когда была написана поэма «Двадцать шесть», мы видим, что она прибавила нечто новое и к достижениям чувашской поэзии: к

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 137.

открытиям революционной поэзии Сеспеля, а в изображении врагов - к достижениям поэмы Тхти «Колчак». Хузангай продолжает и ивановские традиции реалистического изображения действительности. В конкретном событии расстрела комиссаров видны черты определенной исторической эпохи. Развиты традиции К. Иванова и в элементах лиро-эпической обрисовки героев («неравнодушие» природы к переживаниям человека, сильное горе и страдание при описании трагических событий). Советский поэт показывает трагедию положительных героев с полным пониманием подспудных причин, чего еще не было в дореволюционной чувашской литературе.

Гонит Каспий зеленые волны.
В красноводской тюрьме Шаумян
Ночью, в камере, шорохов полной,
Вспоминает Азербайджан.

Вспомнил он апшеронские вышки,
Гул восстанья в рабочем Баку,
Крики ярости, выстрелов вспышки
И простреленный флага лоскут.

Вспомнил радость нелегкой .победы
И друзей боевых торжество.
- Наш Баку... он не сдался, а предан,
Интервенты терзают его...

Ты прости нас за наши ошибки:
Мягкотелы мы были подчас.
Забывали, что в яростной сшибке,
Коль не мы - значит, враг свалит нас...

(Перевод А. Казакова)

Умело показаны и непосредственные причины этого убийства (поиски колоний английским империализмом, продажность эсеров). Произведение Хузангая отличается от «Нарспи» Иванова активной лирико-публицистической оценкой событий. Рефреном «Двадцать шесть их всего, двадцать шесть» автор умело подчеркивает идею поэмы - неодолимость дела коммунистов. В оригинале он звучит особенно страстно и горделиво, благодаря использованию аллитерации и ассонанса. Поэт, выражая гнев, к читателю обращается с взволнованным призывом: «Люд рабочий! Скажи: Не дам! Не дам! Нас не только двадцать шесть». В завершающем поэму лирическом отступлении прямо говорится о том, что за дело двадцати шести встанут миллионы.

У Сеспеля Хузангай мог учиться страстности выражения чувств, искусству изображения героев нового типа - революционеров через образ лирического героя. Хузангай впервые в чувашской поэзии «приоткрыл» образ революционера со стороны индивидуально-психологического содержания и показал его в социальном столкновении. Так, в сцене прощания Шаумяна с сыном передана гамма сложных чувств, обуревающих его, через воспоминания о своей жизни и народную песню, выражающую духовную связь с трудовым народом. Спокойствие и твердость Шаумяна во время расстрела также способствует созданию индивидуализированного образа большевика. Даже в русской литературе, где это событие нашло отражение в «Гуле восстаний», «на эхо то множенное» Маяковского, «Балладе о двадцати шести» Есенина и поэме «26» Асеева, нет еще индивидуализированного образа бакинского комиссара. В этом отношении безусловно ценной является попытка изобразить одного из 'крупнейших деятелей партии в поэме Хузангая.

В поэме отразилось и неполное знание поэтом жизни и дея-

тельности вождя кавказского пролетариата, и отсутствие собственного опыта революционной борьбы. Шаумян хорошо показан как гуманист, но недостаточно раскрыт как борец. Это мог бы автор сделать в сцене воспоминаний.

Форма произведения «Двадцать шесть» соответствует новому содержанию. Поэма построена на контрастном изображении светлых образов большевиков и мрачных фигур убийц. Частые лирико-публицистические отступления автора естественно звучат как мысли и чувства самих большевиков. Хузангай продолжает традиции Сеспеля в развитии поэтического языка. Пафос, избыток энергии, призывный характер стихов Сеспеля не могли передаваться традиционным музыкальным силлаботоническим стихосложением, требовали введения силлаботонического стихосложения. Поэма «Двадцать шесть» дальше развивает богатство ритмики. В ней впервые в чувашской поэзии применен трехстопный анапест. Этот размер, использованный очень умело, передает то тяжелое горе, то сильную ненависть к врагам. В сцене расстрела ритм меняется. Вводится дольник, и ритм становится прерывистым, как дыхание в минуту опасности:

Саксаул тёмёсем... сёсенхир...
Реджинальд алă сулчĕ: «Чар!»
Шурăмпуç хăпаратъ... чечен ир...
Ни разъезд ку, ни станци те мар.

Вслед за Сеспелем Хузангай вводит в поэтическую лексику слова, еще необычные для чувашской поэзии, но необходимые для выражения новых понятий: шанс, мисси, залп, диктатор, мистер, саксаул. Новаторским было и его стремление подбирать необычные и запоминающиеся рифмы: (мёльюн - юн мар - коммунар, аваль - халь. Кун - ун, мар-ши - маршĕ, Дружкин - ушкăн, Арас - тарас, Берг - пер, Индии - пурин те, пухма - ухмах и др. Сеспель усилил волевые интонации чувашского

предложения. Он любил ставить глагол в начале фразы, а существительное - позади, что было малопривычным в чувашском языке. Хузангай по-своему перефразирует и предложения, чтобы придавать им оттенок резкости; так, принятое *çук пулчĕç*; (не стало) становится *пулчĕç çук* (стало - нет).

Поэма Хузангая внесла новое и в изображение врагов. В отличие от сатирической поэмы Тăхти «Колчак», в которой враги даны в карикатурно-сатирическом плане, Хузангай показывает врага не только в наготе отвратительных черт. В лице английского офицера Реджинальда Тиг-Джонса автор разоблачает суть английского империализма - прикрытие фразами о цивилизации хищничества и шовинизма (внешняя элегантность, высокопарные слова о миссии англичан в Туркестане и, с другой стороны, жестокость, чванливость, нахальство в обращении с часовыми). Хорошо показана продажность закаспийского эсера Куна. Для него российские народы - лишь «стадо овец», с которых нужно стричь шерсть англичанам.

Итак, поэма «Двадцать шесть» ознаменовала не только решительный шаг вперед в идейном и художественном развитии Хузангая, но и заметный сдвиг во всей чувашской поэзии. Но критика вульгарно-социологического толка все еще продолжала обвинять поэта в «есенинщине», что оскорбляло поэта, идущего по новому пути:

Но надо мной издевки и поныне -
Печальный ты, смеются, -
Пессимист.

Даже в начале 30-х годов писалось, что поэма «Двадцать шесть» - это «сентиментально-романтическая поэма, не отражающая классового героизма борьбы пролетарских революционеров»⁷. Иной оценки и нельзя было ждать от вульгарно-социологической критики, которая до-

⁷ Советская Чувашия. М. : Соцэкгиз, 1933, с. 171

пускала чудовищную близорукость и при оценке классической поэмы К. Иванова «Нарспи», которая якобы «вся проникнута фатализмом и особым мистицизмом»⁸⁸.

III

Иметь витые надо жилы,
И волю в бурях закалить,
И верить в собственные силы,
Чтоб груз тот на спину взвалить.

(Перевод П. Железнова)

Уже поэма «Двадцать шесть» по духу сближала чувашского поэта с Маяковским. Но сознательное усвоение достижений новаторской поэзии Маяковского связано с переломным характером социальной жизни конца 20-х и начала 30-х годов. Перед чувашской литературой, как и перед всей советской литературой, остро встала задача активного участия в жизни, в строительстве нового мира. Насущной стала необходимость в поэзии «агитатора, горлана - главаря».

Творчество Маяковского, воплотив в лирическом герое лучшие черты пролетарской поэзии, явилось образцом поэтического служения народу. Поэтому творческое усвоение принципов эстетики и поэтики Маяковского имело огромное значение и для чувашской литературы, тем более, что в чувашской поэзии 20-ых гг. распространение получило вредное идейно-художественное направление, которое ориентировало писателей только на узконациональные традиции, в том числе и на использование архаических форм. Отголоски таких неверных взглядов и попытки замыкаться в «национальной скорлупе» сохранились вплоть до 1933 г., когда выступил Еллиев со статьей⁹, в которой он учебу у Маяковского Хузангаем считает преждевременной, ибо, по его мнению, чувашской поэзии сначала нужно пройти пушкинский период. Обращение в

⁸⁸ Васильев Н. Краткий очерк чувашской литературы. М.: Центриздат, 1930, с. 18

⁹ Еллиев Е. Уссыру : Чăваш писателе патне вулакан // Трактор, 1933, Кн. 7

такой обстановке к Маяковскому делает честь чувашском поэту.

Вначале Хузангай не избежал и явно ученического подражания необычной форме стихов Маяковского. Возникали стихи «лесенкой», стихи с необычными выражениями и рифмами, частыми обращениями - без их внутренней надобности. Известное течение начала 30-х годов - оперативно вмешиваться в действительность - наряду с положительными качествами, имело и отрицательные: фактографизм, схематизм, риторизм. Вульгарно-социологическая критика лишь подливала масла в огонь. В результате и у Хузангая появились в целом неудачные, перегруженные фактами, риторичные произведения, как поэма «Землеустройство», стихотворения «Марш передовых», «Будь примерным ленинцем», «Как возникают стихи», «Тринадцать», «Дворец Советов».

Но поэт упорным трудом вскоре начинает добиваться более органического преломления принципов поэтики Маяковского в своем стиле, о чем свидетельствуют стихотворения «Внимай, Германия», «Марш автономий», « $2+2=5$ » и поэма «Магнит-гора».

Характерной чертой хузангаевского лирического героя становится сочетание внешней резкости, прямоты с широтой натуры, юмором и иронией. Например, всенародный характер пятилеток и популярность наших планов художественно сильно, с юмором переданы в « $2+2=5$ ».

Вслед за Маяковским Хузангай начинает пользоваться гиперболизацией как средством типизации:

Колхоз -
это море,
одиночка - удочка.
Хоть весь день
лови - на копейку лишь.

Новизна здесь не в выдумывании новых сравнений, а в упо-

треблении традиционных народных сравнений в новом сочетании. Не ново было для чувашского языка сравнение, скажем, хищного человека с пауком, но вот у Хузангая это предстает в новом освещении:

Кулак - паук,
бедняка - муху
Не выпустит так
из сети своей.

Гиперболизация проникает и в эпитеты: «свечокожие», «мир, пропитанный запахом гроба». Это - новая струя в образных средствах литературного языка.

Если дореволюционной чувашской лирике был свойствен преимущественно созерцательный характер в отношении к природе, то для Хузангая теперь свойственно активное, «хозяйское» отношение к природе. Созерцание чахлой природы, например, не вызывает грусть и тоску, а наоборот - желание обновить природу. Когда Хузангай любовно сравнивал воду, покрытую нефтью, с красивым синевато-зеленым каемчатым платком, то это было смело и ново («Дыши, Баку»). Рисую кавказскую природу и Терек («Терек»), поэт удивляется необузданной стихийной силе природы и выражает желание построить на реке мельницы. И эта мысль сказана по-народному, по-чувашски:

Ай-яй кун шывёпе пёр виç-тăват
Арман лартса парасчĕ чăваша.

Вековой мечтой чувашского народа - в условиях аграрного, беспромышленного района - было иметь свои водяные мельницы. И она здесь хорошо выражена в юмористической форме.

Большой удачей явилась поэта «Магнит-гора» (1933). Она была первой в чувашской литературе поэмой о социалистической индустриа-

лизации. Несмотря на то, что Хузангай, отдавая дань времени, вводит в поэму излишне много цифр, фактов, также порой допускает нарочитую «сниженность», прозаичность, поэма не теряет художественности благодаря глубокой взволнованности повествования и правдивости образов. Из-за цифр то и дело проглядывают интересные черты героев, неожиданно «приоткрывается» душа человека, и мы лишь сожалеем, что автор не развертывает, не «психологизирует» эти образы шире. Так, речь выступающего на собрании немецкого инженера Геймса, при всей ее агитационной направленности, ярко индивидуализирована:

Геноссен!.. Товарищи! Как умею,
скажу вам, по-русски, просто:
Я знаю - у вашего человека
очень крепкие нервы.
Омега - не первая буква у греков,-
зачем выступал он первым?
Мы - иностранные специалисты -
не против темпов! Неправда.
Мы тоже хотели бы строить быстро,
но... есть у вас слово «завтра».
Просишь топлива или металла,
отвечают - «завтра».
Можно день подождать, если надо,
но, вы же знаете сами,
часто «завтраки» бюрократов
тянутся месяцами.

(Перевод П. Железнова)

Шире, чем другие, показаны образы чуваш Сехре Терендея и

Хведера Юськышмана. Характер Терендея раскрывается в сопоставлении с американским инженером Фребелем. Бригадир монтажников, простой чувашский парень, он не замкнут в кругу личных забот, как Фребель, а живет интересами коллектива, вдохновлен смелыми планами страны. Он понимает душу коллектива вернее, чем Фребель, которому вначале смешны «темпи-темпи» русских. Сехре Терендею присущ подлинный интернационализм. Он уважает Фребеля за его большие знания, за стремление честно служить Советам и, чтобы разговаривать с ним на его родном языке, по ночам изучает английский язык.

В обрисовке Хведера Юськышмана автор пользуется и традиционными средствами национальной литературы. Автор сопоставляет своего героя с одноименным героем баллады Федорова «Леший», широко распространенной среди чувашей и ставшей фольклорным произведением. Эпиграфом к главе поэмы приведены начальные слова баллады: «Жил да был мужик Хеведер. Он, конечно, вам знаком». Тем самым,, заставляя мысленно представить образ темного чуваша дореволюционного времени, Хузангай говорит: «Нет, этого Хведера (вы не знаете». Далее мы видим, что, действительно, хузангаевский Хеведер является новым человеком в чувашской литературе, бесконечно далеко шагнувшим по сравнению со своим фольклорным тезкой.

В поэме «Магнит-гора» некоторые образы получились несколько схематичными. Это объясняется тем, что Хузангай за короткий срок не мог вжиться и глубоко проникнуть в характер героя-рабочего. Однако немало страниц поэмы дышат подлинной художественностью. Это песнь строителей («Когда же, Домна Ивановна, выдашь ты первый шлак»), это эпизод, рисующий попытку станичных кулаков взорвать только что построенную ГЭС, которую спасли комсомольцы.

С веселым юмором рассказывает о том, как два казаха Хикмет и Салман, поверив кулацкой болтовне, что «большевики украли воду Ура-

ла», прискакали на быстроногих конях, и как потом сами хохотали над своей глупостью.

Следуя традициям Маяковского, Хузангай не пришел к нивелировке особенностей национальной поэзии, как хотел утверждать Еллиев, а выявлял, творчески осваивал наиболее яркие стороны ее. Благодаря этому, Хузангай хорошо отразил переломный период жизни страны. Лирика его стала публицистически напористой, агитационно-действенной. Сочетание публицистической обнаженности и лиризма, юмора и иронии - отличительный признак лучших хузангаевских стихотворений этого времени.

Чувашский поэт блестяще доказал в своих стихах полную применимость в чувашской поэзии тонического стиха, выражающего бурю чувств и эмоций. Он обогатил поэтический язык введением оригинальных, запоминающихся рифм и смелыми неологизмами: *самрăклăх* (молодость), *чĕну* (призыв), *салхулăх* (тоскливость), *тансăрлăх* (неравенство), *сив ютшăну* (холодное отчуждение) и т. п. Оптимистическое восприятие действительности и «хозяйское» отношение к ней привели к необычайному расширению тематики произведений, а в образной системе - к гиперболизации эпитетов и сравнений.

Многие замечательные черты лирики Хузангай - поэтизация современной жизни, сочетание лиризма и публицистической заостренности, художественная весомость слова - возможны именно благодаря творческой учебе у Маяковского.

IV

В середине 30-х гг., когда социализм уже победил, новая действительность укрепилась, основной упор идеологического фронта перене-

сен на борьбу с пережитками капитализма, на воспитание социалистического сознания. В творчестве Хузангая эти требования жизни сказались в усилении эпичности, в перенесении на первый план изобразительности и задачу создания образов-типов (цикл повествований «Земляки»), Лирическая и публицистическая сторона отодвигается на задний план.

Хузангай приезжает в родную деревню и живет в среде знакомых ему с детства крестьян. Изменения в жизни были огромны. Удобнейшую форму передачи контраста современности и прошлого поэт находит в образах крестьян-стариков, представляющих как бы живое воплощение двух эпох.

В стихотворении «Уняхви» (1935) показан маленького роста, косоглазый и забитый старичок, любивший участвовать в торгах. Для его обрисовки взяты лишь два внешне одинаковых, но по сути противоположных события: торги в прошлом, когда продавалось имущество бедняков, и торги после коллективизации, когда продавалось имущество раскулаченных. Так же контрастны поступки Уняхви в этих обстоятельствах: в первом случае мы видим щупленькую фигуру бедняка в углу накуренной избы и ехидно смеющихся над ним богачей. Характерен жест Уняхви - взмахом поднятую руку медленно опускает вниз (ему не на что покупать дом). Во втором случае Уняхви смело входит в дом правления колхоза и заявляет о желании купить дом, с силой опуская свою руку на стол - и никто уже не смеется этому жесту.

Прежде забитый, несмелый, старик теперь воспрянул духом. Поэтому очень кстати заключение автора:

На свое поставит место
Нынче время каждого.

Образ Уняхви передает забитость и униженность чувашских кре-

стьян до революции и подъем духа в наше время.

В стихотворении «Инспектор» в образе Сар Микеня ярко отображена характернейшая черта чувашского народа - трудолюбие. Национально специфическое, чувашское в этой общей черте трудящихся всех народов - быть может, в особой аккуратности, в скрупулезной тщательности, терпеливости при выполнении работ. Эта черта национального характера ярко проявляется в сфере земледельческого труда. Малоземельный, подвергавшийся двойному гнету, чувашский, народ те имел достаточной силы для того, чтобы дать отпор угнетателям. Он испокон веков вынужден был жить упорным, тяжелым трудом.

Микеню пора уже отдыхать на склоне лет, дом его как пчелиный улей, рабочих рук - хоть отбавляй, но он с особенной аккуратностью начал работать именно в последнее время. Видит Микень: в конюшне наполнилось много навоза - уберет его; видит, на колхозном дворе валяется солома - не выдержит, чтобы не собрать ее. Не для трудодней работает он, а просто душа не терпит беспорядков в общественном хозяйстве, которое он любил.

В стихотворении «Дед Эльдиван» наряду с трудолюбием передано и другое, тоже характерное для чуваш, качество - доброта к людям. 90-летний Эльдиван, никем не назначенный и не прошенный, взялся за охрану полей от скота. Он сидел около полевых ворот, открывая и закрывая их за проезжающими и нередко вбивая своей клюкой расшатавшуюся чеку телеги.

Хузангай рассказывает про стариков с теплым юмором, проистекающим из любовного отношения к тому доброму старому поколению, которое в сущности целиком с нами вместе, но с небольшими «странностями» в привычках, вкусах, привязанностях. Так, исключительная привязанность деда к своей «исторической» кипарисовой трубке, неизвестные старинные слова его - «япламат», «ялкас» - вызывают добродуш-

ный смех.

Эти невинные странности, чувственно-яркие конкретности пробуждают интерес к герою, индивидуализируют его и одновременно напоминают нам об их давно прошумевшей старине, как засохшие корни дубов напоминают об их древности. Например, одежда Эльдивана:

Он ходил в кафтане белом
Из домашнего сукна,
В шляпе с тульей порыжелой,
Что связала в дар жена.

(Перевод П. Хузангая)

Так, образы стариков, при всей их национальной специфичности, общечеловечны в своей сути (трудолюбие, доброта, шутливый характер, благодарное отношение к новой жизни). Даже само национальное своеобразие, национальная форма, в которой проявляется общечеловеческое, не есть не понятное, не общечеловеческое в своем происхождении.

Как бы ни были своеобразны национальные характеры разных народов, такие характеры (или хотя бы сходные) есть в любой нации. Однако для данного народа один тип психического склада является преобладающим, «любовным», «родственным» (в силу исторических, общественно-бытовых и природных условий). Вся семейная народная педагогика данной нации так или иначе воспитывает ребенка в какой-нибудь определенной традиции. (Так, чуваша с пеленок внушают ребенку любовь к незлобивому и доброму - йăваш - характеру).

Все так называемые «элементы» национальной формы, как национальный психический склад, быт, природа и даже язык, понятны, доступны другому народу (и общечеловечны в своих совершенных формах), ибо «свое образно» лишь сочетание известных каждому народу

частностей, а сочетание это вполне вообразимо каждым народом и, может быть, необходимо данному же народу в другой обстановке.

В 30-е гг. Хузангай нарисовал образ советской девушки-чувашки. Почти параллельно с Хузангаем показал образ девушки-чувашки и Яков Ухсай (Настя). Однако хузангаевский образ Натали, в отличие от образа Насти, раскрыт больше с духовной стороны. Вот сидит Натали вечером и вышивает, и в этих узорах переданы внутренние переживания ее:

Рукоделья волшебство;
Лель - люли!
 Вышивает - для кого?-
 Натали.
Вышивает белый холст
До зари,
 Словно лучиками звезд,-
 Посмотри!
Красный шелк — любовь и кровь
И слова:
 Шелк зеленый - мир дубрав
 Да трава.

(Перевод А. Недогонова)

Песенный стих как нельзя лучше соответствует содержанию. В письме Педеру она не высказывает своих чувств, но за этими деревенскими новостями, передаваемыми ею, проглядывает внутренняя красота и глубина чувств. В конце стихотворения дан психологический портрет, через который раскрывается не только ее внешность, но и смелый характер.

В 30-е гг. Хузанай поднимает тему интеллигенции. В стихотворениях «Археологу», «У композитора» и др. автор говорит о радости служе-

ния народу, о творческом подходе к науке и искусству.

В лирических стихах появляется философическое раздумье. Глубоких дум о судьбе народа и значении поэта полно стихотворение «В краю Нарспи». Две эпохи встают перед глазами в тех местах, где родился и жил основоположник чувашской литературы К. Иванов. Все здесь напоминает о нем: и орел, парящий под облаками, и звонкие ручейки, и старинный желоб у светлого родника. Окутанная крапивой яма вызывает в воображении мигедеровский погреб - погреб кулака, полный яств. Старая ветла кажется той, на которой повесилась Нарспи. Трехлетний племянник поэта похож лицом на своего дядю. Но две разные судьбы у них: у того - смерть в цвете лет, а у этого - счастливое будущее. Он до конца и не поймет трагедии своего дяди - так противоположны их времена.

Хузангаевская муза не остается без отклика на большие международные события. Он гневными словами обличает варварские дела фашистов. Стихотворение, посвященное испанскому поэту-борцу Федерико Гарсиа Лорке, убитому фашистами, полно искреннего горя. Как всегда, в духе хузангаевского лиризма, сквозь слезы проступает зажигающий гнев:

В Пиренеях прекрасные розы
Обещены! Стонет весь край.
Муза, плачь! Свои гневные слезы
С гневом Гарсиа Лорки смешай...

(Перевод А. Ситковского)

Поэт работает над переводом на чувашский язык «Евгения Онегина» Пушкина, «Горя от ума» Грибоедова, «Ромео и Джульетты» Шекспира. Особенно высокохудожественным является перевод «Евгения Онегина», над которым поэт работал и после войны. На чувашском языке не только сохранены стих и строфа оригинала, но и

найлены близкие по оттенкам выражения, передающие пушкинский стиль.

V

В годы Великой Отечественной войны Хузангай был на фронте и почти до конца войны был на передовой. Только по случаю ранения ему пришлось оставить фронт.

В самый тяжелый период войны, когда наша армия вынуждена была отступать, громадное значение имело уверенное и гневное слово поэта. Оптимизм, уверенность в разгроме врага в стихах «Смело вперед!», «Не сдадим свободный город!» и др. проистекают из сознания справедливости нашей войны. В последующие годы войны уверенность в победе начинает исходить из непосредственного показа фронтовых событий («Подвиг Ахмеда Делиева», «Мужество комсомольца Ширшова» и др.).

Лирический герой Хузангай проходит новую стадию своего развития. Перед лицом смерти настоящий человек очищается внутренне, он становится добрее, щедрее и человечнее. Это внутреннее просветление и выстраданная любовь ярко проявились в стихах, посвященных матери, дочери, сестре. Не случайно, что стихотворение «Матери» написано под Сталинградом, в самую трудную для нашей страны минуту. В нем поэт просит свою мать не попрекать его, если он погибнет в бою за другую мать - - Родину. В стихотворении «Саламби», в форме письма отца к дочери, выражена способность отца идти на все ради свободы дочери и миллионов других дочерей.

Все это является как бы крупинками, которые потом слились воедино в поэме «Таня», в этом волнующем и гневном произведении. В нее Хузангай вложил много от себя, от личных переживаний. Поэма, повествующая о героической смерти Зои Космодемьянской, была создана в

апреле 1942 г. (раньше поэмы М. Алигер «Зоя», написанной в августе-сентябре того же года).

Поэма «Таня» считается наиболее художественным из всех произведений Хузангая. В пей впервые мы сталкиваемся с глубоко раскрытой духовной жизнью человека и необычайно сильным лиризмом.

На первый взгляд может показаться, что трагедия положительного героя - неблагоприятный материал для социалистического реализма с его жизнеутверждающим оптимизмом. Нет, не пессимизмом, не подавленностью, а гневом сквозь слезы и уверенностью в победе веет от поэмы Хузангая «Таня».

В соответствии с принципом конкретного историзма автор не мог не отобразить в образе Тани реальные черты русского национального характера, воспитанного в условиях советской школы и городского быта. Зоя - москвичка, выросшая в образованной семье; принципиальная комсомолка., впитавшая в себя революционно-патриотические традиции. «Ведь москвичка же я, мама, комсомолка я!» - заявляет она матери, уговаривая понять ее поступок. И этот реальный образ передовой русской советской девушки подкрепляется не только бытовым антуражем (чисто прибранная комнатка, аккуратно сложенные вещи, дневниковые записи из Чехова, Чернышевского, Пушкина о красоте человека...), но и переживаниями, ассоциациями, воспоминаниями из мира искусства и поэзии. Так, при отправлении на фронт звучит в ее ушах любимая песня Гете и Бетховена; красота величественного русского пейзажа напоминает картины Шишкина и Левитана; в трудные минуты она мысленно разговаривает с матерью, и ей почему-то мерещится беседа Гамлета с отцом и т. п. Как и свойственно в большей мере русскому национальному характеру. Таня прямая и решительная:

До свиданья.

Иль умру я

Как герой в бою.
Иль героем ты живую
Встретишь дочь свою,-

заявляет она матери. И эту черту характера - максимализм, непреклонность - мы видим и в мыслях («Умри, но не давай поцеловать себя»; «чем жить на коленях, лучше умереть в бою»), и в поступках Тани: она одна остается в тылу врага, перед казнью она бесстрашно выкрикивает призывные слова борьбы и мести.

Художественная сила поэмы выражена и в ее национальном своеобразии. Поэма «Таня» - прекрасный пример того, как «поэт даже может быть и тогда национальным, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа...»¹⁰. Эта особенность не говорит об отклонении от правды, а о том, что одно и то же явление объективного мира может познаваться с разных сторон. В зависимости от психологического склада одна сторона явления познается одним народом глубже, чем другим народом. Сила воздействия художественного познания заключается как раз в наличии в преподносимой правде собственного лица, собственного духа того народа, которому передается эта правда. Тогда ему легче понять эту правду, сильнее почувствует он ее, потому что в ней отражается еще правда собственной жизни народа.

Хузангай изображает в поэме жизнь русского народа и русской девушки, но он смотрит на этот мир глазами и чувашского народа. В чем конкретно выразилось это?

В народных песнях не могла не отразиться психология народа. Обращаясь к чувашским народным песням, мы находим, что в большинстве из них говорится о невыразимом горе и страдании. Берем ли мы самые распространенные песни - хороводные, - в них поется о не-

¹⁰ Гоголь Н.В. Собр. соч. Т.6.Госиздат, 1950, с. 34

разделенной любви, о расставании. Например:

Куда летишь, ласточка, па ночь глядя,
Проливая дождь вдоль крылышек?
Куда идешь, милая, на ночь глядя,
Проливая слезы из глаз?

Поэтизация природы и любви, как правило, выражается с налетом грусти и печали:

По озеру глубокому, по воде чистой
Лебедушка плывет.
Свою печальную песню,
Обливаясь слезами, поет.

За 25 лет новой жизни не мог качественно не измениться и психический склад народа. Но можно ли было полностью отрицать влияние традиций прошлого на психику народа? Нельзя не видеть, что склонность к глубокой и сильной грусти, тоске, жалости осталась в психическом складе чувашского народа, но в сильно измененной форме. Она потеряла оттенок безысходности и потерянности, вместо этого развивалось чувство уверенности и оптимизма. Практика народа не страдальца, а строителя-борца породила чувство и собственного достоинства. И если случалось горе, без чего не обходилась наша драматичная эпоха, то теперь являлось требование наказать виновников. Гнев сквозь слезы проявляется у современного чуваша в подобных ситуациях. Это национально-поэтическое мироощущение и выразил Хузангай в своей поэме «Таня».

Сцена расставания Тани с матерью по глубине лиризма, по специфике художественного выражения напоминает чувашские солдатские песни. В чувашских народных песнях сравнение девушки с птицей так часто и привычно, что сравнение оставшейся семьи с опустевшим гнездом воспринимается как выражение действительно народного чув-

ства:

Как ни грустно, ни уныло
Ей в гнезде пустом,
Но птенец почуял силу
И взмахнул крылом:
 - Не грусти, не надо, мама,
Это не беда.
Посмотри в глаза мне прямо
И скажи лишь: да.

(Перевод П. Хузангая)

В девятой главе, где рассказывается о Зоиных муках, снова ощущимы нотки сострадания в голосе поэта. Размер стиха навеивает тревожно-печальную мелодию, поэтические фразы становятся короткими.

В шестнадцатой главе все дышит народным чувством. Этому способствуют и песенный ритм стиха, и элементы стилевых приемов из старинных похоронных песен. Но в этой же главе через сильные страдания прорывается, разрастается и поднимается возмущение и гнев против бесчеловечности фашистов. Тело Тани оккупанты держат на виселице целый месяц, они издеваются над ним, колют штыком. Народ накапливает в себе гнев и ненависть к врагу, он жаждет мести, беспощадной кары извергов. Здесь автор использовал в видоизмененной форме концовку «Песни про царя Ивана Васильевича...» М. Лермонтова:

...А идут свои - люди русские -
Низко головы опускаются.
Сердцу горестно, очи тусклые
Думой тайною загораются.
И проходит всяк, словно камень, нем:
Старый люд пройдет - стынет в жилах кровь,

Пройдет юноша - вспыхнет пламенем,
Пройдет девушка - круто сломит бровь.

(Перевод П. Хузангая)

Так в поэме «Таня» выразилась одна из отличительных черт советской литературы - слияние художественных традиций разных народов, обогащение национальной литературы за счет влияния других литератур, в психическом складе чувашского народа - склонность к глубокой печали и большому горю, приводящему к гневу. Этим произведение оказывает сильное воздействие на читателя. Новое, внесенное поэмой «Таня» в чувашскую литературу, и в той глубине лиризма и национально-поэтической самобытности, с которой дан образ передовой советской девушки.

VI

И ты не скоро, время, нас состаришь!
Конь вдохновенья не сдает пока.

(Перевод А. Казакова)

В творчестве Хузангая послевоенного времени отразились сильные и слабые стороны литературного процесса этого периода. Он добился неплохих результатов в обобщении опыта войны с высоты всемирно-исторической победы советского народа. Дал хорошую поэму о Ленине «Дом в Горках» и ряд замечательных лирико-философских стихотворений. Но в изображении колхозной жизни ограничился эскизными и поверхностными зарисовками («Свадьба в Туривыле», «Летние сутки»). Непосредственно с теорией бесконфликтности связана и бессюжетность этих поэм. Некоторые стихи на такую актуальную тему, как борьба за мир, не свободны от риторичности. Развитие поэта шло больше по линии обогащения языка, технического совершенства стиха, по линии усиления глубины мыслей в лирике.

Ценны лирико-философскими обобщениями опыта войны стихо-

творные воспоминания «Песни победы», «Живи, чувашский край» и др. Пафос этих произведений - в чувстве национальной и советской гордости, в мысли о том, что чувашаи внесли достойный вклад в общую победу в минувшей войне.

По-солдатски грубоватый рассказ о фронтовых буднях без всякой натуги со стороны автора приводит читателя к мысли: «Хорошо у нас, в России». Эту признательность чувашей к другим народам, особенно великому русскому народу, Хузангай выразил по-народному просто, искренне и образно:

Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,
И волосы мои - не лен,
И сердцем я чуваш, и речью.
Но я солдатом русским был -
Так звали все меня народы.
Навек я с детства полюбил
Россию - родину свободы.

(Перевод М. Рудермана)

Характерная черта послевоенных стихов Хузангай в следующем: лирическая передача выстраданного, увиденного завершается философским обобщением, которое принимает форму специфически национальных образных выражений, например:

...Скорее
Хмель потонет иль камень всплывет,
Чем какая-то буря ответит
От России чувашский народ.

(Перевод П. Дружинина)

Здесь как бы вновь просвечивается изнутри народное выражение,

как бы возрождается народная мудрость.

Созерцая полынью на Волге, плескающуюся среди лютого мороза, художник приходит к осознанию народного названия полыньи - «глаз Волги». Таким же, как «глаз Волги», вечно живым и беспокойным, хочется иметь поэту сердце («Глаз Волги»). В ряде стихотворений («Бакен», «Ноги солнца», «Моя звезда в небе», «Смотрю я вновь на землю») автор, созерцая природу, углубляется в духовные стороны жизни своего народа. Так, Хузангай напал на «золотую жилку» своей поэзии.

В послевоенных стихах усиливается также изобразительный, живописующий элемент («Я вновь в родимой стороне»). Большое достижение лирики Хузангая - поэтизация самой будничной, повседневной жизни. В окружающем видеть поэзию, не сбиваясь на фактографизм - эта задача стала достижима для Хузангая лишь после учебы у Маяковского оптимистически воспринимать действительность и после прохождения военных испытаний, раскрывших всю красоту человеческой жизни.

Одним из наиболее удачных произведений послевоенного времени является поэма «Дом в Горках». Сила ее - в лирическом раскрытии образа Ленина. В лиризме поэмы нет ни громких восклицаний, ни поисков сильных эмоций, она впечатляет своей внутренней силой, мужественными интонациями:

Покрыты инеем деревья
На кровлях - снега пелена.
Простая русская деревня -
Навек запомнилась она.

(Перевод В. Потаповой)

Пейзажные зарисовки, картинки быта, экспонаты дома-музея - все это рождает трепетное волнение. Автор сумел раскрыть их общечеловеческую значимость, глубокую, психологическую связь с ленинскими

делами и характером.

Даже композиция строф отражает этот стиль поэмы: в двух первых стихах строфы дается описание деталей, в двух последних - раскрывается их смысл:

И Горький - частый посетитель...
Букет цветов и чай густой...
И под балконом вся Россия
Проходит перед взором их.

При знакомстве с лодкой Ильича очень логична мысль: быть может, катаясь по озеру, Ленин вспомнил Волгу, Симбирск. Быть может, вставали перед глазами чуваша - и их просветитель И. Я. Яковлев, или Охотников, которого он готовил для поступления в университет. Так образ Ленина становится нам ближе и человечнее с его думами о народах, так раскрывается гуманный смысл ленинских идей интернационализма и национальной политики.

Поэма «Дом в Горках» представляет собой значительное произведение в чувашской литературе. Ее новизна заключается в мужественной и философской лиричности., в показе новых черт интернационализма Ильича.

Новая ступень развития, на которую Хузангай должен был подняться, лежала через глубокую и тесную связь с жизнью чувашского народа, через самостоятельный и смелый анализ взаимосвязей людей и коллизий.

VII

И счастлив я принадлежать
Отчизне тех, чьи имена
Прославили ее навеки.

(Перевод В. Потаповой)

В 50-ых гг. поэт закончил «Семью Аптраман». Над этим стихотворным повествованием Педер Хузангай работал свыше тринадцати лет (1941 - 1954). И время сказалось в «качественной неоднородности глав»¹¹. Фрагмент будущего повествования «Натали» был написан еще в 1939 г. Как раз в ту пору развернулся эпический талант П. П. Хузангая. Вслед за поэмами «Землеустройство», «Магнит-гора», «Терлемес в яблонях» и другими в 30-е гг. поэт написал цикл сочных по языку стихотворных новелл «Земляки», в которых дал галерею образов стариков-оптимистов, забитых прежде и выпрямившихся при колхозной жизни. Связь этого цикла с «Семьей Аптраман» несомненна. Некоторые из героев этих стихотворений (Эльдиван, Яганат, Сар Микень) часто упоминаются в повествовании.

Сюжет поэмы подсказала народная война. Еще до ухода в армию Хузангаем было написано до пятнадцати глав. Наметились идея и название произведения (от слова «аптраман», что значит по-чувашски неунывающий, не теряющийся ни в каких трудностях, жизнестойкий. Через судьбы отпрысков жизнерадостного и крепкого рода Аптраманов автор, подобно А. Твардовскому в поэме «Василий Теркин», хотел выразить идею бодрости и неиссякаемого оптимизма своего народа в трудные годы испытаний.

После войны сложился у автора более зрелый взгляд на историю и культуру своего народа. Яснее открылись ему очертания современного национального характера чуваш в причудливом переплетении старого, традиционного, и нового, советского. Поэма постепенно выросла до широкого эпического полотна.

В окончательном варианте «Семьи Аптраман» (1957) народный поэт достиг большого совершенства в технике стиха. Язык «Семьи Аптраман» живописен и богат оттенками, лаконичен и интеллектуален, нередко по-

¹¹ Фетисов М.И. Народный поэт Чувашии П.П. Хузангай, с. 192

народному сочен и гибок. Разнообразны ритмика и интонации глав -то гневных, то шуточных, то грустных, то трагически-скорбных.

Как же показаны здесь образы главных героев? Вначале колоритными красками нарисованы портреты основных героев, набросаны некоторые черты их характеров. Образ легендарного родоначальника Унизьма, знавшего в царской армии «так точно» да «ваше благородие», но совершавшего подвиги в войне с Бонапартом, придает произведению историко-эпическое звучание. Теперь охраняет мирные границы страны Эндри Аптраман - достойный продолжатель добрых традиций рода, хорошо знающий, за что воюет. Пышущее здоровьем ядреное тело, выразительная внешность, добродушный, открытый взгляд подчеркивают чистоту и крепость характера, какую-то упругую силу:

Коренаст, не слишком строен,
А шагнет - земля дрожит.
Может быть, не ладно скроен,
Да на диво крепко сшит.
Как дубочек, плотно сбитый, -
Не вколотишь даже клин!..
Чернобровый, черноглазый.
Волосы черны, как смоль...

(Перевод А. Казакова)

К этому портрету автор добавляет для живости два-три штриха, контрастно оттеняет национальные черты образа Эндри - застенчивость и сдержанность - образом речистого и смелого русского Виктора Басова. И характер уже намечен.

Портрет его сестры Натали дан при вышивании, в смене мимолетным настроений, девичьих мечтаний, чудесно переданных песенным ритмом.

Натали изображена в контрасте с ее бабушкой Спани - домови-

той, выносливой, неграмотной. Внучка окончила среднюю школу, работает комбайнеркой, мечтает о подвиге Ангелиной. Духовно активная и любознательная, она с радостью и удивлением расспрашивает бабушку о древней чувашской одежде, обычаях старины. Ее беседа с бабушкой несколько напоминает разговор Татьяны с няней из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Следы удачной творческой учебы у великого русского поэта особенно заметны в главе «Первый день»: обыденная проза жизни освещена здесь какой-то полушутливой философичной мыслью; обилие простых деталей и непринужденность разговоров скреплены стремительным, динамичным слогом и изяществом формы.

Спани отдала весь дар души выпестованию семьи. Она рассказывает о единственно смелом поступке своей жизни - как она против воли родителей вышла замуж и убежала с Хведером. Натали - девушка другой эпохи. Подобно женщине из сеспелевского завета «Чувашка», она вышла из лачуг и вступила в большой общественный мир и никогда не будет лишь «прислугой мужней». Девушке тем не менее присущи и традиционные черты чувашских женщин - внутреннее целомудрие и глубина чувств. В письме к своему любимому Педеру Сумбаю, получившему в боях у озера Хасан орден, она не выказывает нежных чувств, наоборот, прячет их в деловитом тоне сообщения новостей, но сквозь практицизм, игривость и горделивую манеру обращения проглядывает любящая и нежная душа. Зреет в ней и бойкость, смелость характера, что нетрудно угадать то ее дерзким выходкам.

Завершает галерею портретов представителей рода Аптраманов образ аспиранта Германа. Это человек большой культуры и высокого интеллекта, склонен к остроумным репликам, шутливым замечаниям, неожиданным сопоставлениям. Свой народ любит подлинной, активной любовью, собирается писать его историю. Тем рельефнее выступает

культурно-психологический рост чувашского народа, шагнувшего от курной избы до храма науки.

Начало войны показано с суровой реальностью обстановки. Чебоксары наполнялись тревожными военными песнями, разноязычными солдатами, эвакуированными и первыми ранеными. Очень уместна сцена прощания Германа с Волгой. У берега великой реки учитель Турхан и ученик Герман размышляют о судьбах чувашской культуры. Происходит сцепление основных аспектов идеи: интеллигенция уходила на фронт и с мыслями о защите культуры возрожденного народа. К сожалению, образ Германа, претендующий на большое обобщение, затем вдруг исчезает из поля зрения. Лишь в конце поэмы мы узнаем, что он попал в плен и замучен в концлагере. Судьбы огромного числа действующих лиц, разбросанных войной в разные концы страны, становится трудно проследить.

В первых главах повествования автор несколько увлекается портретизацией и жизнеописанием всех отпрысков «густокровного» рода Аптраманов и односельчан. Уже до завязки действия он знакомит нас со всем множеством основных и второстепенных персонажей, с их судьбой. Тут обрисованы Унизым, Спаии, средний Аптраман, Хведер и его жена Кулине, их дети - Эндри, Герман, Натали, самый младший Аптраман - пионер Палля, любимая Эндри - Верук, его друг Виктор Басов; любимый Натали - Педер Сумбай, соседка Тамара, председатель колхоза Самаев и др. Попеременное знакомство с ними без сюжетного интереса оставляет читателя равнодушным.

В романе «Семья Аптраман» образы некоторых героев раскрыты довольно убедительно. Старший Аптраман, Илле, с началом войны взваливает на себя тяжелую работу председателя колхоза. Он вкладывает 30 тысяч рублей на покупку самолета. Становится собраннее, активнее, живее. Его письмо к сыну Эндри пронизано глубокой ответ-

ственностью перед Родиной и твердой уверенностью в победе. Но меж суровых отеческих наставлений и бодрых интонаций нет-нет да и проглядывает озабоченность жизнью сына: «Но и под пулю зря не лезь», - пишет он. Так, чуть приоткрыв свое внутреннее состояние, герой сразу «очеловечивает» себя, становится понятнее. Хузангаевские герои даются обычно в тесном бытовом окружении, и детали фона как бы опредмечивают их мироощущение. Свои мысли и чувства они выражают рельефно, с национальным колоритом. Все это делает героев «земными» и правдоподобными, если даже они приподняты над обычными людьми. Редкий человек, как Илле, может благословлять своего сына «стать героем», но ему веришь.

Некоторое изменение претерпевает и характер Натали. Она выучивается на медсестру и уезжает на фронт. В бою она проявляет смелость и решительность, в трудностях показывает себя неунывающей, в обращении с ранеными - ласковой.

Эндри Аптраман поставлен, казалось бы, в самый центр конфликта. Автор правильно говорит: «Всех сильнее был один конфликт тогда: жить народу или погибнуть...» Мы видим храбрость и смекалку Эндри, подорвавшего бронированный баркас на озере Ильмень. Автор со знанием дела описывает повседневный быт воинов - окопные терестрелки и порыв атаки, механику наступательной операции и период затишья, концерты перед сражением и т. п. Однако фон, внешние события порой заслоняют самих героев войны (например, в главе «Прошу считать коммунистом»). В действиях персонажей не ощущается внутреннее преодоление огромных трудностей. Герои будто и не участвуют в борьбе идей, столкновении их, лежащих в основе фронтовых баталий. Тупой, вшивый и оборванный немецкий солдат Эдмунд Шиффке, забившийся от холода в печку, - слишком легкий и уже поверженный враг для нравственного столкновения.

Он, как болван, повторяет одно и то же: «Я не знаю ничего. Я хотел поехать в дом... Я подумаю потом». Если бы бывший «инородец», ныне свободный советский гражданин, встретился с Силиным и «сварным «арийцем», пытающимся доказать свое расовое превосходство и переборол бы его социалистической гуманностью, культурой и волей, то конфликт войны в большей степени обрел бы реалистическую суть и плоть.

Правда войны состояла также в преодолении народом собственных слабостей, частнособственнической крестьянской психологии, которые не могли быть еще полностью изжиты за какие-нибудь десять лет колхозной жизни, - слепого ухарства, нерасчетливости, мягкотелости. Ничего подобного не происходит в «Семье Аптраман». Вряд ли можно считать это правильным в эпическом повествовании, претендующем на полноту и правдивость изображения войны. Чтобы добиться перелома в войне, нужно было в полном смысле перестроиться и психологически. Но все герои Хузангая показаны ангельски чистыми, идеальными и... недостаточно сложными. Они статичны и изменяются мало. И естественно, сюжет явился слабой стороной «Семьи Аптраман».

На обсуждении романа некоторые писатели (С. Шавлы, А. Артемьев) указывали на ряд его существенных пробелов. Некоторые недостатки сюжета отмечены и автором монографии о творчестве поэта М. И. Фетисовым: «Роман в стихах П. Хузангая, - пишет он, - ... не группирует действие вокруг каких-либо конфликтов, недостаточно развертывает характеры героев в движении и взаимодействии. Между отдельными главами часто нет внутренней взаимосвязи, придающей цельность всему повествованию...»¹². Тем не менее исследователь, судя о качестве произведения лишь по подстрочному переводу, оценил «Семью Аптраман» как замечательное достижение советской

¹² Фетисов М.И. Народный поэт Чувашии П.П. Хузангай, с. 203

литературы и поставил его в ряд с такими выдающимися произведениями советской литературы, как «Буря» В. Лациса, «Просвет в тучах» А. Упита, «Решающий шаг» Б. Кербабаева и др. Такая оценка была закреплена и другими литературоведами и писателями. В действительности, «Семья Аптраман» не получилась цельным романом в стихах, он похож на серию новелл, объединенных общей темой и героями. В ряде глав теряется чувство меры и в детализации, действительность воспроизводится со многими необязательными подробностями. Так, послевоенной жизни героев в романе уделено неоправданно много места (почти третья часть произведения). Во всем этом проявилась не преодоленная полностью тенденция послевоенной литературы - тяготение к фактографизму, к копированию действительности, коснувшееся и больших поэтов.

В какой-то степени бессюжетность скрадывается лиризмом - вообще сильной стороной таланта Хузангая. В нем остро чувствуется горечь войны - тоска разлуки, горе матери, переживания раненого Эндри и страдания Натали при гибели мужа и др. Превосходны многие лирические отступления, вдохновенно и солнечно (передана радость возвращения солдат домой). Середина пятидесятых годов вызвала у поэта большое вдохновение и раздумья о жизни. Наблюдается новый подъем его творческих сил. П. Хузангай пишет очерки и статьи, стихи и маленькие поэмы.

В очерке «Вокруг земного шара» (1954) он дал портрет знатного земляка-ученого, лауреата Государственной премии СССР Александра Изотова. Этот ученый точнее всех рассчитал размеры и объем Земли по современным данным. Очеркист пытается оценить его работу глазами исследователя, рассматривает ее значение примерами из истории математики и геодезии. Прослеживая жизненную судьбу А. Изотова, автор связывает ее с социальной историей.

Вот дед Изотова Белый Иван, придя к русскому учителю, заложил шапку под мышку и сделал земной поклон. Внука тоже заставил встать на колени, сам бормочет: «Мынучек тащил, ум давай». Этот образ ярко высвечивает вековую темноту чувашских крестьян и стремление их к свету. Законоучитель из мариЙцев отец Никита, стуча Сандра по лбу, - то ли с восторгом, то ли с укоризной - произносил: «Сатанинская голова!». Вероятно, приверженец религии боялся его беспощадного логического ума. Слова деда, «хорошо бы этого мальчика научить хотя бы узнавать мумер (номер)», также могли родиться только в тех социальных условиях: неграмотный крестьянин нередко мучился от незнания счета, когда возил зерно в город продавать. Этот «мумер» потянул паренька «с пристальным взглядом больших карих глаз» сначала в Казань, потом в Москву. Подобных запоминающихся, содержательных деталей в очерке немало. Они хорошо согласуются с лаконичной и оперативно-точной формой очерка.

У жанра очерка есть свои границы: автор должен максимально точно отображать действительность, сохранять конкретный облик явления, основные факты и ход события, автор здесь не может свободно предаваться художественному вымыслу, изнутри, психологически изображать героя, если он сам не рассказчик - все здесь передается как случившееся в самой реальности. ХузангаЙ строго придерживается этих рамок: об истории села и односельчанах рассказывает сам Изотов, об учебе в Казани - знавший его автор. Жаль, однако, автор не нашел очерковых способов показать, как совершил Изотов свое научное открытие, какие он преодолел при этом трудности. Это лишь усилило бы образ ученого.

Знакомясь с героем науки, видя его патристический, гражданский склад души («Не позорь чувашского имени!» - повторяет Изотов слова народного благословления), ХузангаЙ радуется тому, что его родной

народ преодолел свою отсталость и совершил огромные успехи. Заключительным аккордом звучат в очерке стихи польского поэта Юлиана Тувима: «О славе, величии грядущих Ньютонов чувашских пою!». От себя Хузангай добавляет: «А в эпоху чувашских Ньютонов могут появиться и чувашские Шекспирсы. Будем верить!» Очерк «Вокруг земного шара» звучит как гимн не только научному подвигу, но и второму чуду Советов - национальному расцвету.

Очерк Хузангай явился примером, воодушевляющим и других писателей на изображение передовых людей. Автор очерка прямо призывал их: «Мы обязаны рассказать нашему народу о его самых умных, талантливых сыновьях и дочерях. Мало жестикулировать в такт пустопорожним стихам, «бить в пустой барабан», как у нас говорят. Новых наших звездочетов обязаны мы увидеть». Очерк действительно брал за душу многих. Васильей Митта записал в дневнике: «...Волшебный очерк Хузангай. Когда прочитал, не смог заснуть... Теперь вот не будет преувеличением, если сказать словами Архимеда: «Дайте нам точку опоры, наши Изотовы перевернут Земной шар».

Развивая свой призыв, П. Хузангай пишет о другом замечательном сыне чувашского народа - о старом большевике, не раз встречавшемся с Лениным, Герое Социалистического Труда Т. С. Кривове - очерк «Ветеран ленинской гвардии» (1955). Автор и в этом очерке придерживается тех же самых принципов, что и в предыдущем. Здесь показан и образ Ленина.

Лирика Хузангай также все больше проникается душевностью, искренними и глубокими нравственно-философскими переживаниями. Подлинно самобытные мысли и чувства пробиваются и в гражданской лирике. В стихотворении «Середина» (1957), посвященном своему другу-ровеснику В. Митте, поэт с высоты пятидесятилетия окидывает свой нелегкий путь. Эти итоговые размышления пронизаны думами об эпохе.

Там, где Хузангай раньше лишь декларировал истины, быть может, даже выношенные (многие стихи из сборника «Песнь сердца», 1952), он теперь говорит о них с внутренней сдержанностью, задумчиво, интимно. Зрительный образ подъема целины новой эпохи, намеченный еще М. Сеспелем («Пашня Нового Дня»), разворачивается здесь в общенно-философскую картину строительства социализма, полного трудностей, радостей и повседневного героизма. Ритм пляски коня, олицетворяющего раскованные силы строителя нового мира, проходит в нем рефреном и придает стихотворению цельность и бодрый оптимистический тон:

Срок не настал еще беспечно, шатко-валко
Плестись по борозде: ни тпру, ни ну.
Земля лежит под плугом вековая.
Мы поднимаем мира целину.

«Золотая жила» в творчестве П. Хузангая - это крепкая связь с фольклором, знание народного языка, поиски образов, выражающих национально-поэтическое мироощущение. Писатель плодотворно работает и над постижением и расширением философского смысла народных выражений и образов. Благодаря поэтизации П. Хузангаем, позже подхваченной другими, обрели вторую жизнь и более широкий смысл такие народные обороты, как «Манӑн ҫӑлтӑр тӑпере!» (Моя звезда на небосклоне!), «Пӑр пӑрчӑрен пин пӑрчӑ пултар» (Пусть от одного зерна будет тысяча), выражающие оптимизм и пожелание плодотворного труда. Он создает и свои, оригинальные образы с пословичной емкостью смысла.

В последнее время в его лирике, кроме того, замечалось тяготение к конкретно-историческим размышлениям и нравственно-философским обобщениям. Эта тенденция особенно заметна в сборнике стихов «Вздыбленные волны» (1967). В стихотворении «Я - человек двадцатого

столетья» он требует от современника повышения исторической ответственности и задумывается о судьбах мира в XXI столетии:

Солнышко ль будет в руках человека

Или дубина сучкастая?

Поэт уверен, что жизнь человека будет более ценной, чем в XX веке. Лаконичные образы, полные глубокого смысла, часто добываются теперь не в ходе созерцательного размышления, а как бы высекаются в борении с трудностями и болями сердца, в стремлении активно разрешать противоречия эпохи.

Я верю в грабли нынешнего века.

Коль я засох - пусть уберут меня, -
безжалостно заявляет о себе поэт. Хузангай стремится осмыслить и освоение космоса в духе национально-поэтических традиций. Изображая космический полет Андрияна Николаева, он шутливо говорит о своих радостях:

Унпала пёрле эп тытрәми

Алтәр җәлтәр авринчен.

Пархатарлә сим эп җыпрәм

Җут тәнче нухрепё җинчен.

Вместе с ним над небесами

Взял я в руки звездный ковш.

И из погреба вселенной

Благодатного напитка

Выпил случаем я тож.

Но традиционные, казалось бы, образы в таком необычном сочетании («погреб вселенной», «взять за ручку звездного ковша») и с таким внутренне богатым смыслом - ничуть не стары, они новы и смелы.

За книгу стихов «Вздыбленные волны», поэму «Великое сердце» и сборник актуальных статей и очерков по вопросам национальной

культуры «Книга дружбы» (1966) П. Хузангаю присуждена Государственная премия ЧАССР им. К. В. Иванова (1967).

Поэт создал немало и других значительных произведений. В серии стихотворных новелл «Песни Тилли» (1962) он, пользуясь фольклорными мотивами, нарисовал тип жизнерадостного даже в бедности своей дореволюционного крестьянина-певца.

В стихотворениях «Мы были, есть и будем», «Тревога», «Шестидесятилетним» и других искренняя философская задумчивость удачно сливается с чеканностью и мужественной собранностью формы. Лирика Хузангая - в своих лучших образцах - мыслящая, постоянно ищущая, смелая и волнующая, она становилась все созвучнее характеру нашей эпохи.

В марте 1970 г. тяжелая болезнь прервала жизнь поэта и борца в самом расцвете его творческих сил. Смерть безжалостно сразила этого обаятельного человека и одного из самых замечательных чувашских поэтов. Но остались живыми творения его беспокойного ума и сердца.

* * *

Оглянемся! Ведь пройдено полвека.
Из них ни дня, ни часа не забыть.
(Перевод А. Казакова)

Путь поэта был сложным, особенно в 20-е годы. Он писал:

За долгий путь колдобин знал я много,
Но все ж мечта по-прежнему светла!

(Перевод А. Казакова)

Преодолевая все трудности, Хузангай идет самобытным путем и создает замечательные произведения социалистического реализма.

На опыте ранних произведений он познает, что художественное описание одних только настроений, - это еще не настоящая поэзия. Одно только наблюдение, созерцание крестьянских полей в 1923-1925 гг. вряд ли могло рождать иные переживания у начинающего поэта, чем грусть, тоску, пессимистические нотки («На ниве»). Это настроение было лишь пеной жизни, отражало лишь внешние, броские сегодня явления, а сама правда заключалась в мощном подспудном росте аил, чтобы позже сделать резкий скачок к лучшему. Для этого нужно было изучать действительность, сочетать в произведении жизненный опыт и мастерство.

Правду жизни в кабинетах не высидишь. Она познается не умозрительно, а в живой практике. Исцелителем идейных болезней оказалось прикосновение к социалистическому строительству советского народа. Поэзия Хузангая испытала на себе и другую опасность для искусства - риторичность и фотографичность. При всей справедливости высказанных мыслей такое произведение не берет за душу, при всей правдивости картин -неинтересно. Хузангай преодолевает и эту трудность и постигает один из основных законов искусства - через жизнь раскрывать душу человека. Не сами по себе интересны домны, комбайны, луга в искусстве - а для раскрытия новых человеческих характеров. Но искусство не терпит и недоработанности: произведение должно быть отшлифовано со всех сторон, оно должно вызывать эстетическую красоту своим совершенством.

Образы, созданные лиро-эпической кистью Хузангая, образы Ленина и Шаумяна, Тани и Натали, колхозных «патриархов» и рабочих-чуваш Сехре Терендея и Хведера Юськышмана, Тилли и Прохора Иванова долго будут жить в чувашской литературе. Вместе с поэтом вровень с эпохой шагает и развивается лирический герой. Психологически тонкий, чуткий и чувствительный вначале, он уже в поэме «Двадцать шесть» выступает как патриот-гражданин, которого живо затрагивают судьбы

международного пролетариата. Активное вмешательство в жизнь в переломную для Советской страны эпоху прибавляет его облику черты воинствующего публициста. Характер расцвечивается юмором, иронией и сарказмом. Война приучает его быть сдержаннее в своих чувствах, мужественнее во взгляде на жизнь. Рождается готовность служить Родине до конца («Матери», «Саламби»).

В послевоенных стихах и поэмах появляется мудрая любовь к жизни, глубокое философское раздумье. Лирический герой как бы вырастает в тысячелетние корни народной мудрости («Глаз Волги», «Ночи солнца», «По большаку», «Дом в Горках», «Мы были, есть и будем», «Шестидесятилетним»). Это очень обаятельный образ: публицистически напористый и задушевный, мудрый и простой. Лирика Хузангая - мыслящая, смелая и волнующая. Опыт народного поэта Чувашии говорит также о том, что писателю не следует специально «гоняться» за национальной формой. Форма лишь отражает содержание, она отстает в своем изменении от развития содержания, и увлечение ею в отрыве от содержания может привести к искажению той самой национальной жизни, к познанию которой стремится художник. И, наоборот, к большим удачам в передаче национальной специфики приводит глубокое познание сознания жизни. Изучив характеры колхозных «патриархов» в их непосредственном участии в строительстве колхозных «патриархов» в их непосредственном участии в строительстве колхозной жизни. Хузангай сумел «уловить» национальные черты чувашского крестьянства в их современном состоянии, в их движении (цикл стихотворений «Земляки»): прошлая забитость сменяется смелостью и чувством собственного достоинства (образ «Уняхви»); особая тщательность, скрупулезная аккуратность и терпеливость при выполнении крестьянских работ сочетается теперь с смелым размахом в общественном хозяйстве (образ Сар Микеня); но некоторые черты прошлого

сохраняются еще в склонностях, привычках, вкусах (образ Эльдивана).

Большое достижение Хузангая - развитие чувашского литературного языка. Чувашский язык до революции в силу неблагоприятных исторических условий значительно отставал от развитых языков, но все же оказался настолько жизнеспособным, что своими внутренними силами и средствами сумел выразить огромный мир новых чувств и представлений, который открыла для чуваша эпоха социализма.

Словом, как в развитии художественных представлений народа, так и в обогащении чувашского национального языка мы видим яркие следы поэзии Хузангая.

1954, 1970.